
Мифологизирующая сила повседневности*

© 2020 г. А.Г. Иванов^{1**}, В.А. Нехамкин^{2***}, И.П. Полякова^{3****}

¹ Липецкий государственный технический университет, Липецк, 398055, ул. Московская, д. 30; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал, Липецк, 398050, ул. Интернациональная, д. 3.

² Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1.

³ Липецкий государственный технический университет, Липецк, 398055, ул. Московская, д. 30.

** E-mail: agivanov2@yandex.ru

*** E-mail: nechamkin@rambler.ru

**** E-mail: ir.p.polyakova@yandex.ru

Поступила 27.09.2019

В статье социальная мифология предстает как явление, реализующееся на двух уровнях – «архаическом» и «конъюнктурном»: первый уровень отражает представления, восходящие к архаике, неосознанные повседневные практики; второй – воплощение в мифе результатов целенаправленных разработок. Рассматриваются функции социальной мифологии (онтологическая, гносеологическая, аксиологическая, праксиологическая), проводниками которых выступают мифы и ритуалы. Авторы полагают, что наиболее полно специфику современной социальной мифологии можно увидеть, рассмотрев, как ее функции реализуются в основных сферах повседневной жизни (быт, труд и досуг), формируя пространство мифологии повседневности. Отмечается, что область досуга содержит большой потенциал для проявления мифологических составляющих. Мифология повседневности выступает в качестве важной составляющей социальной мифологии, адаптируя личность и социум к более привычному и понятному восприятию социальных трансформаций. Делается вывод, что повседневность является динамичным атрибутом социального бытия, во многом благодаря способности аккумулировать современные мифы, открывающие новые идеи и смыслы для жизнедеятельности человека и общества.

Ключевые слова: социальная мифология, функции социальной мифологии, ритуал, повседневность, сферы повседневности, быт, труд, досуг, повседневная мифология.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9-87-98

Цитирование: Иванов А.Г., Нехамкин В.А., Полякова И.П. Мифологизирующая сила повседневности // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 87–98.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18–411–480001 “Трансформация повседневной мифологии семейной памяти в культурном ландшафте современной Центральной России: научная аналитика и региональные социокультурные практики”.

Mythologizing Power of Everyday Life*

© 2020   Andrey G. Ivanov^{1**}, Valeriy A. Nekhamkin^{2***}, Irina P. Polyakova^{3****}

¹ *Lipetsk State Technical University, 30, Moskovskaya str., Lipetsk, 398055, Russian Federation; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch), 3, Internatsionalnaya str., Lipetsk, 398050, Russian Federation.*

² *Bauman Moscow State Technical University, 5/1, Baumanskaya 2-ya str., Moscow, 105005, Russian Federation.*

³ *Lipetsk State Technical University, 30, Moskovskaya str., Lipetsk, 398055, Russian Federation.*

** E-mail: agivanov2@yandex.ru

*** E-mail: nechamkin@rambler.ru

**** E-mail: ir.p.polyakova@yandex.ru

Received 27.09.2019

The article presents the social mythology as a phenomenon that is implemented on two levels – the “archaic” and “conjunctural”: the first level reflects the ideas that go back to the archaic, unconscious everyday practices; the second one – the embodiment in the myth of the results of targeted development. It has been revealed the functions of social mythology (ontological, gnoseological, axiological, praxeological), the conductors of which are myths and rituals. The authors believe that the specifics of contemporary social mythology can be seen completely, by examining how its functions are implemented in the main spheres of everyday life (mode of life, labor and leisure), thereby forming a space of mythology of everyday life. It is noted that the area of leisure contains a great potential for the manifestation of mythological components. Mythology of everyday life appears in the role of an important component of social mythology, adapting the individual and society to a more familiar and understandable perception of social transformation. It is concluded that everyday life is a dynamic attribute of social being, largely due to its ability to accumulate contemporary myths, which open up new ideas and meanings for human life and social activity.

Keywords: social mythology, functions of social mythology, ritual, everyday life, spheres of everyday life, mode of life, labor, leisure, mythology of everyday life.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9–87–98

Citation: Ivanov, Andrey G., Nekhamkin Valeriy A., Polyakova, Irina P. (2020) “Mythologizing Power of Everyday Life”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2020), pp. 87–98.

---

* The study was prepared with the financial support of RFBR grant No. 18–411–480001 “The transformation of everyday mythology of family memory in the cultural landscape of modern Central Russia: scientific analytics and regional sociocultural practices”.

Тем жарким февральским утром, когда умерла Беатрис Витербо – после величественной агонии, ни на мгновение не унижившейся до слезливости и страха, – я заметил на металлических рекламных щитах на площади Конституусьон новую рекламу легких сигарет; меня обуяла грусть: стало ясно, что огромный, находящийся в неустанном движении мир уже существует отдельно от нее и что перемены эти только начинаются [Борхес 2000, 44–45].

С древнейших времен мифология предназначена делать мир более понятным и упорядоченным. В мифологии в символической форме «закодированы» представления о нормальном в повседневности на том или ином историческом отрезке.

Мифологии как форме общественного сознания свойственны процессы мифотворчества (запечатление социального бытия в виде мифов, построение мифических сюжетов) и мифологизации (придание социальной реальности мифологической образности). Благодаря процессам мифологизации общественное становится личным, персонализируется и соотносится с индивидуальным бытием, встраиваясь в ткань повседневности. Событие не существует само по себе, оно соотносится с привычным индивидуальным существованием. Найденный в том или ином действии или ритуале смысл, образ избавляет человека от хаоса мира. Создание мифологических образов сопряжено с чувственно-эмоциональной деятельностью сознания.

Прояснение функций мифологии в современном обществе представляется чрезвычайно важным, так как позволит оценить, сохранила ли мифология свой потенциал, оказывающий ранее существенное влияние на жизнь человека и общества. Начать поиск, на наш взгляд, необходимо, с одной стороны, с определения специфики феномена современной социальной мифологии и ее функций; с другой стороны, с повседневной жизни (повседневности) как «живого и эмоционального» пространства, сохраняющего незримую связь с далеким прошлым.

Социальная мифология

Термин «социальная мифология» требует прояснения, что связано с его неоднозначными интерпретациями в течение последних лет: определения социальной мифологии варьируются от фактического отождествления с идеологией до понимания как исключительно феномена повседневности.

На наш взгляд, социальная мифология в определенной мере присутствует и на идеологическом уровне общественного сознания, и на обыденном. В современной социальной мифологии имеются качественные отличия между повседневной мифологией, представленной на уровне социальной психологии, обыденного сознания, и достаточно рационализированной мифологией, содержащейся в идеологических построениях. Поэтому, прослеживая развитие социальной мифологии, необходимо фиксировать оба вышеуказанных аспекта. Назовем эти два аспекта современной социальной мифологии, соответственно, «архаическим» и «конъюнктурным» уровнями. Если первый уровень отражает представления, восходящие к архаике, неосознанные повседневные привычки и практики; то второй уровень есть воплощение в мифе результатов целенаправленных разработок, осуществляемых определенными социальными группами – «мифотворцами».

В сравнении с классическим мифом, в социальной мифологии – на «архаическом» ее уровне – происходит перенос акцентов из сферы сверхъестественного в область интерпретации социальных отношений: апеллирование к системам семейного родства, взаимодействиям с социальными группами, государством и т.п.

Наличие «конъюнктурного» уровня является определяющим для понимания сущности современной социальной мифологии. Одна из особенностей «конъюнктурного» уровня социальной мифологии заключается в том, что делается акцент в основном

на осмыслении социальной реальности с учетом интересов конкретных социальных групп; выражается отношение данных социальных групп к социальной реальности через формирование интерсубъективных для группы ценностей и идеалов.

Также на «конъюнктурном» уровне современной социальной мифологии значительное место занимает идеология, что сближает ее с любой из современных форм общественного сознания, и особенно с политикой. Между тем политическая сфера общественной жизни лишь предоставляет возможность наиболее полно увидеть практически проявления социальной мифологии (так, некоторые авторы, см. [Рязанова 2009]) рассматривают политический миф как кульминацию социальной мифологии), и социальная мифология в целом не должна сводиться только к политико-идеологической практике. «Конъюнктурный» уровень современной социальной мифологии предстает в качестве «мифологии идей», а не реальных вещей. В этом смысле определение социальной мифологии совершенно расходится с пониманием мифологии классической, где идея вещи и сама вещь находились в синкретичном единстве. И в то же время современная социальная мифология – это неразрывное единство «архаического» и «конъюнктурного» уровней, что отличает ее, соответственно, от архаического мифа и идеологии.

Следует четко различать два направления исследования мифов сегодня: одни ученые ориентируются на обнаружение мифических (мифологических) составляющих в современном обществе (это – преимущественно представители психоаналитической школы – Д. Кэмпбелл, К.Г. Юнг, М. Элиаде); другие – работают с рационализированной социальной мифологией (Р. Барт, П.С. Гуревич и др.).

Можно утверждать, что к XX в. социальная мифология начинает существовать эксплицитно, однако ее общественный статус и степень участия в жизни общества не находят должного объяснения.

Наиболее полно специфику современной социальной мифологии можно увидеть, рассмотрев, как она представлена на обыденном уровне, в повседневной жизни (теоретический или «конъюнктурный» уровень современной социальной мифологии практически неотличим от идеологии). Это, в свою очередь, также позволит предположить, что мифология повседневности может быть одной из частей фундамента, на котором строится социальная мифология.

Функции социальной мифологии

Проводниками основных функций мифологии, по нашему мнению, выступают, прежде всего, мифы и ритуалы. Именно через мифы и ритуалы проявляется мифологизирующая сила повседневности.

Одним из первых к проблеме функций ритуала специально обратился Э. Дюркгейм в третьей части своих «Элементарных форм религиозной жизни» [Durkheim 1968, 281–418]. Он выделил следующие его функции: социализации (дисциплинирующая, подготовительная), интегрирующая (связующая), воспроизводящая, психотерапевтическая.

Функция социализации индивида (дисциплинирующая, подготовительная): ритуал готовит индивида к социальной жизни, воспитывая в нем необходимые качества, без которых невозможна его жизнь в обществе. Интегрирующая (связующая) функция заключается в том, что с помощью ритуалов коллектив периодически обновляет и утверждает себя, свое единство. Воспроизводящая функция направлена на обновление и поддержание традиций, норм, ценностей коллектива. И, наконец, Э. Дюркгейм одним из первых указал на психотерапевтический эффект ритуала, который заключается в создании условий психологического комфорта социального бытия («эйфории» в терминах Э. Дюркгейма). Эта функция приобретает особое значение в тех случаях, когда коллектив сталкивается с кризисными ситуациями (стихийные бедствия, смерть членов коллектива и т.п.). Под угрозой оказывается единство коллектива, его нормальное функционирование. Коллектив стремится каким-то образом компенсировать утрату

и тем самым сохранить смысл своего существования. Эту компенсаторную роль в традиционном обществе успешно выполнял ритуал. По мнению Э. Дюркгейма, четыре выделенные им функции в своей совокупности необходимы для обеспечения такого психологического настроя, следствием которого является единство коллектива – необходимое условие его сохранения во времени [Байбурин 1993, 29–31].

Миф, как и ритуал, направлены на коррекцию коллективных представлений (поддержание их константного состояния), сохранение существующего уровня порядка в обществе, недопущение здесь хаоса в мировоззренческой сфере. Кроме того, миф как форма мировоззрения (общественного сознания, говоря языком марксизма) предшествовал в исторической ретроспективе философии (обусловил во многом ее генезис), а значит, как и она, сталкивался с необходимостью осмысления окружающего мира, процесса познания, формирования ценностных ориентаций людей, извлечения ими практической пользы (информации). Отсюда, на наш взгляд, целесообразно выделить следующие функции социальной мифологии (воспроизводящиеся потом в рамках философской мысли, ее разделов) – онтологическая, гносеологическая, аксиологическая, праксиологическая.

Отмеченные четыре основные функции социальной мифологии коррелируют (с определенными оговорками) с выделяемыми Э. Дюркгеймом функциями ритуала, что подчеркивает сущностное сходство мифа и ритуала как главных компонентов социальной мифологии.

1) Онтологическая функция. Миф представляет собой онтологически автономную систему, стремится поддерживать один единственный уровень бытия, к которому сводятся сущности всех явлений и предметов мира, где генезис любых вещей связывается с вещным наличным бытием. Более того, миф способен «с нуля», по крайней мере, на уровне мыслительной конструкции, оформить и создать социальное бытие. Человек, мыслящий мифологически, считал М. Элиаде, «не только обязан восстанавливать в памяти мифическую историю своего племени, но время от времени он актуализирует значительную ее часть» [Элиаде 2000, 19]. При этом происходит постоянная актуализация не только истории, но и важных событий общественной жизни, способствующих созданию мифологической реальности. Любой миф прежде всего повествует о появлении чего-либо. «Миф рассказывает, каким образом реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления, будь то всеобъемлющая реальность, космос или только ее фрагмент: остров, растительный мир, человеческое поведение или государственное управление» [Там же, 11–12].

В социальной мифологии вышеуказанная специфика мифа выражается в онтологической функции – в утверждении новой реальности из начальной нерасчлененности и неопределенности, в возвращении реальности к моментам ее возникновения. Данная функция коррелятивна интегрирующей (связующей) функции ритуала, выделяемой Э. Дюркгеймом.

2) Гносеологическая функция. Гносеологическая функция социальной мифологии базируется на таком свойстве мифа, как способность к отождествлению с реальностью всех представлений человека. Е.Я. Режабек считает, что «мифическая реальность начинается там, где индивид не контролирует собственные действия, а приписывает реальности свои субъективные ощущения, даже не подозревая об этом» [Режабек 2003, 217]. Говоря о современной мифологии, необходимо, на наш взгляд, учитывать позиции трех субъектов мифа: живущего мифом (мифичного), создателя мифа (мифотворца), критика мифа (мифолога).

«Мифический человек ничего не знает о научных знаниях потому, что все, о чем ему нужно знать, ему уже известно. Его мир не раздвоен на сферу трансцендентального и знаковые структуры. Его мир закрыт, человек не страдает в нем комплексом расширения кругозора, – шире уже ничего и быть не может. Истина уже есть, а новому знанию просто нет места в едином, целостном и мгновенном чувственном прорыве навстречу природе. Мифическая мысль – это то, что происходит вокруг, реальная бытийность, а не иллюстрация к происходящему» [Савельева 2002, 172]. Миф

предоставляет возможность познать мир таким, каков он есть, без дополнительных наложений в виде законов, норм, правил.

Мифы помогают человеку осмысливать окружающий его мир. Мифы отражают общественные процессы, дают им свои толкования в виде сюжетных построений, акцентируют внимание на наиболее важных и значимых моментах жизни общества. По мнению О.М. Фрейденберг, «человеческое сознание перерабатывает, семантизирует реальную действительность и само является одной из форм выражения реальной действительности. Ничего иного, кроме истолкования реальности и, следовательно, реалистической фактуры, не может заключаться ни в содержании, ни в морфологии мифа» [Фрейденберг 1998, 132–133].

Таким образом, в гносеологической направленности функционирования мифа важен дескриптивный, интерпретационный аспект. Именно познание через объяснение, регламентацию является основным в гносеологической функции социальной мифологии и позволяет соотносить данную функцию с такой, отмеченной Э. Дюркгеймом, функцией ритуала, как функция социализации индивида (дисциплинирующая, подготовительная).

3) Аксиологическая функция. Аксиологическое измерение мифа обнаруживается уже в тотемизме, который посредством табу, тотемов задавал ценностные ориентиры для всего общества. Тотем выступал в качестве некоторого смыслообразующего основания человеческого бытия и мотивировал жизнь общества, деятельность людей, а миф «представлял собой аксиологический императив, обуславливающий поведение индивида в рамках определенных предписаний, запретов, табу» [Оботурова 1999, 25].

Однако содержание мифа представляет собой не просто ключевые ценности для человека, но выражает традицию общества. Еще Платон в своем «Государстве» видел важность мифов в том, что они могут быть полезны государству, считал мифы важнейшим средством нравственного воспитания личности, основой этического регулирования общественной жизни.

Это позволяет говорить об аксиологической функции социальной мифологии, которая задает определенную ценностную шкалу общественным явлениям и отношениям, дает ценностные ориентиры для последующего общественного развития. Она оказывается осуществимой как на уровне восприятия человеком определенных архетипов, так и в социальной контексте. В первом случае речь идет о психотерапевтическом аспекте аксиологической функции социальной мифологии (что объясняет соотношение функции с выделяемой Э. Дюркгеймом психотерапевтической функцией ритуала), во втором – об идентификационном аспекте.

4) Праксиологическая функция. Праксиологическая функция социальной мифологии отвечает за трансляцию, усвоение, воспроизводство мифов, а также способствует передаче знаний от поколения к поколению. Такая передача обязательно происходит в рамках определенной группы людей, где в мифах, в историях о происхождении вещей, героев и т.п. отражены знания об обществе. В полную силу данная функция проявляется во время обрядов, ритуалов, во время инициаций и посвящений, когда знания передаются самым непосредственным образом. Праксиологическая функция социальной мифологии способствует практическим действиям, лучшей социализации личности, помогает приобщаться к знаниям, к опыту социальной группы, что позволяет сравнивать данную функцию с дюркгеймовской воспроизводящей функцией ритуала. Указанные функции социальной мифологии не существуют автономно. Они проявляются в ткани социальной жизни, включая такой важный феномен, как повседневность.

Повседневность

В последнее время интерес к повседневности нарастает в разных областях гуманитарного познания: в психологии, социологии, истории, так как повседневная жизнь является общественным феноменом, фундаментом, обеспечивающим стабильность и функциональную социальную жизнь.

Повседневность является частью социальной реальности, определенной целостностью духовно-ментального и материального, необходимым условием общественной жизни, которая разворачивается в социальном пространстве и времени в сферах быта, труда и досуга с помощью различных видов деятельности. Повседневность представляет собой процесс постоянного возникновения, воспроизведения, совершенствования, закрепления и «отмирания» различных форм организации жизни индивидов.

Повседневность имеет двойственный характер: с одной стороны, воплощает индивидуальную волю личности и отражает ее специфические характеристики, но с другой, является и порождением общества во всем многообразии его проявлений. Выделение социального аспекта повседневности чрезвычайно важно, так как позволяет в полной мере считать ее пространством развертывания социальной мифологии. Также следует отметить подход О.А. Радугиной к повседневности как сфере микросоциальных отношений личности, где осуществляется поддержание и воспроизводство жизни как отдельного человека, так и общества в целом [Радугина 2015].

Основными сферами повседневной жизни, на наш взгляд, являются труд, быт и досуг. Целостность и динамика этих сфер зависят от степени и качества взаимодействия потребностей и способностей, сознания и специфических видов деятельности. Повседневность формируется в динамике традиций и новаций, механизм взаимодействия которых фундаментально влияет на конструирование пространства социального бытия. Повседневность существует в границах частного и публичного пространства и времени, существенно различаясь своей открытостью в пределах жизненного мира.

Трудовая деятельность, быт и досуг человека, а вернее, формы их организации, в последнее время существенно видоизменились. Виртуальная реальность, компьютерная техника проникли во все вышеуказанные сферы жизни личности, преобразовав трудовую деятельность, усовершенствовав бытовую и сделав более разнообразной сферу досуга. В связи с увеличением количества свободного времени меняется и сфера досуга. Смена типов повседневности определена развитием высокотехнологичной среды обитания, которая чрезвычайно меняет быт, автоматизируя его, и высвобождает огромное количество свободного времени для человека. Последнее может использоваться разнообразно – и на творчество во всех его формах, и на пустое или праздное времяпрепровождение. Глобальные изменения в повседневности связаны также с активной массовизацией культуры. Бинарность культуры в виде элиты и массы существовала всегда, но никогда еще масса не обладала большей властью, чем сейчас – властью подчинять своим вкусам стратегии культурного развития и утверждать доминанту потребления как главную в дискурсе существования. Идентичность массового человека связана именно с повседневностью, за рамки которой он не выходит – иначе перестанет быть таковым. Следовательно, массовизация, на первый взгляд, происходит как утверждение повседневного, но только на первый взгляд, потому что одновременно мы ощущаем и дефицит повседневного – прежде всего потому, что оно утеряло свою прежнюю аутентичность [Бакиров 1988].

Стремительные изменения в ведущих областях повседневной жизни, обусловленные трансформациями, научно-техническими открытиями, изменениями представлений о семейных ролях, появлением новых форм трудовой занятости и проведения досуга, сделали прежде устойчивую и ритмичную организацию повседневной жизни нестабильной, а иногда и непредсказуемой. Данный феномен («шок будущего») невозможности значительной части людей (сначала представителей преимущественно стран Запада, а ныне всего человечества) психологически приспособиться к быстрым трансформациям окружающего мира отмечал еще в 1970 г. в одноименной работе Э. Тоффлер. С того периода ситуация только усугубилась: из локальной стала глобальной. Если к началу и даже середине XX в. люди жили в относительно медленно изменяющейся повседневности, то в последние десятилетия темп перемен значительно ускорился. Окружающее человека бытие становится все более модульным (вчера еще около дома стоял построенный год назад и удобный для меня магазин, а сегодня – он может исчезнуть), мобильным (человеку приходится перемещаться из города в город

для осуществления трудовой деятельности или резко менять страну проживания вообще), непредсказуемым (из-за внезапных для обывателя, обычного горожанина терактов, техногенных катастроф и т.д.), искусственным (заменяющим живое общение на «переговоры» по скайпу или телефону даже обитателей соседних подъездов). Отсюда повседневный мир вызывает у многих индивидов (особенно пожилого возраста, который тоже смещается к 50–60 годам) чувство острого дискомфорта, ибо данные «перемены» ими отвергаются.

Именно стремительная изменчивость повседневной жизни, которую мы имеем возможность не только наблюдать, но и переживать непосредственно, нуждается в исследовании, осмыслении и понимании, так как человек не может нормально функционировать, выполнять свои социальные роли, если не знает их «сценарий». Не все социальные преобразования можно понять (рационализировать) и принять (на уровне личных ценностей) достаточно быстро, так как темпы этих изменений в последние годы пугающие. В случае, когда изменения неизбежны, но не приняты в полной мере субъектами повседневности, на помощь приходит социальная мифология, а точнее мифология повседневности, которую можно рассматривать как часть социальной мифологии. Так, мифология повседневности выполняет множество разных функций – познавательную, идентификационную, компенсаторную, – которые, однако, в целом обеспечивают для индивида и общества некий психотерапевтический эффект, способствующий стабильному и комфортному существованию.

Отдельно следует сказать о том, как могут сочетаться свойственное мифологии стремление к разделению бытия на сакральную и профанную сферы и феномен повседневности. Повседневные поступки служат осуществлению не только прагматических целей, но органически связаны с мифологическими представлениями, религиозными обрядами, творческими замыслами и трансцендентальными устремлениями. Это позволяет говорить о том, что в повседневности заложена возможность выхода на сакральный уровень, что мифология повседневности является также и мифологией наиболее значимых для человека вещей.

Однако, повседневность – это не только жизнь отдельно взятого индивида. Повседневность является сферой социальной реальности, формой ее существования. Она связана с хозяйственными, экономическими, политическими, правовыми условиями социального взаимодействия субъектов повседневности, то есть отдельных людей, групп, классов, наций, человечества в целом. Каждая историческая эпоха создает представления о нормальном и естественном содержании повседневности. Повседневная жизнь личности, с одной стороны, является лишь частью, единичным проявлением жизни общества, а с другой – выступает своеобразным отображением происходящих в обществе процессов. Повседневность характеризуется как область воплощения здравого смысла для решения элементарных житейских задач. Повседневность представляет собой именно процесс постоянного возникновения, воспроизведения, совершенствования, закрепления и отмирания различных (даже научных) форм организации жизни индивидов.

Важно отметить, что коллективный характер процессов мифологизации, трансляции мифов «вырастает» из повседневности. Это обстоятельство позволяет говорить о том, что мифология повседневности мало чем отличается от социальной мифологии в целом, по крайней мере, структурно и функционально. Например, компоненты социальной мифологии, такие как представления о причинно-следственных связях, о соотношении части и целого, о времени, представлены в мифологии повседневности, соответственно, практиками обмена, фигурами лидеров, социальными ритуалами (брак, похороны и т.п.). И социальная мифология, и мифология повседневности выполняют коммуникативные, идентификационные, компенсаторные, познавательные функции.

Органическое единство повседневных мифов и социальных мифов очевидно. В настоящее время можно говорить о большом количестве мифов, которые определяют и пронизывают повседневную жизнь общества на разных уровнях – от мифов о всемогущей науке до мифов об особой миссии отдельных государств и народов. Также

можно выделить, что «...некоторые празднества, отмечаемые в современном мире и внешне являющиеся чисто мирскими, сохраняют, однако, мифологические компоненты и функции. Празднование Нового года или торжества, связанные с рождением ребенка или постройкой нового дома, или даже переезд в новую квартиру – все они демонстрируют смутно ощущаемую потребность в совершенно новом начале, <...> то есть в полном возрождении. Как бы ни были далеки эти мирские торжества от своего мистического архетипа – периодического повторения сотворения – тем не менее, очевидно, что современный человек все еще ощущает потребность в периодическом проигрывании таких сценариев, какими бы секуляризованными они не стали» [Элиаде 1996, 25].

Попытка систематического осмысления повседневных мифов, на наш взгляд, была предпринята Р. Бартом в работе «Мифологии» [Barthes 1957], где были в подобном ракурсе проиллюстрированы некоторые события жизни французов 50-х гг. XX в. В каждом рассказе, вошедшем в «Мифологии», можно обнаружить слова, идеи, понятия, термины, составляющие основу социальной мифологии: власть имени в рассказе «“Тур де Франс” как эпопея»; фигура героя в рассказе «Мир, где состязаются в кетче»; ритуал инициации в рассказе «Брачная хроника» и т.п. В таких рассказах Р. Барт занимался разоблачением французской «мелкобуржуазной» мифологии; вторая же часть книги «Мифологии» – «Миф сегодня» – представляет собой фактически первую попытку теоретического объяснения идеи современного мифа.

Проявления социальной мифологии в сферах повседневности

Вышеуказанные функции социальной мифологии в той или иной степени реализуются в сфере повседневности, выделяемой нами повседневной мифологией. Рассмотрим проявления социальной мифологии на примерах основных сфер повседневности – быта, труда и досуга. Под бытом традиционно понимается уклад повседневной жизни, типичный для какого-либо сообщества, этносоциальной либо возрастной группы, семьи и отдельного индивида. Быт – это слово общеиндоевропейского происхождения, связанное с обживанием пространства и обитанием человека в мире. Быт можно определить как «ритуал ежедневного поведения», «обычай и строй жизни», который диктует тот или иной распорядок дня, характер труда и досуга, включая формы отдыха и игры, любовный ритуал и ритуал похорон. Быт актуализирует прежде всего онтологическую функцию социальной мифологии. Поясним это на примере социального мифа и советской эпохи.

Примеры того, когда быт представлял собой такую реальность, что никакие вкрапления мифологии не заставляли усомниться в ее всеохватности, дает советское время. Например, такой типичный феномен того времени, как очередь, представляет собой «устойчивый и привычный атрибут советской истории и советского быта» [Богданов 2015, 358]. Очередь – социальное явление, которое сопровождало советского человека почти повсеместно, мифологизировалось, наполнялось дополнительными смыслами, сравнивалось с идеологией: «...риторический дискурс советской идеологии перенасыщен метафорами пути, (про)движения и очередности» [Там же, 363]. Гражданин Советского Союза воспринимал очередь как неотъемлемый атрибут советской реальности, жил в этой, во многом мифологизированной, реальности.

Первостепенной по значимости составляющей повседневной жизни личности является ее трудовая деятельность. Такая деятельность отнимает существенную часть времени практически ежедневно, так как именно труд способствует поддержанию жизнедеятельности человека и обеспечивает как материальную сторону его бытия, так и является необходимым условием реализации личностного потенциала. Повседневная жизнь человека не может рассматриваться вне контекста деятельности, прежде всего, трудовой.

Субъектами повседневной деятельности являются люди в своих обычных условиях бытия. Объектами повседневной деятельности выступают предметы, которыми мы

манипулируем в повседневной жизни и которые способствуют удовлетворению наших потребностей.

Трудовая деятельность отнимает существенную часть времени практически ежедневно. Составляющими элементами трудовой деятельности помимо ценностей, которыми она наделяется, и потребностей, которые она удовлетворяет, являются способы и средства ее осуществления и степень ее осознанности. Труд, в отличие от игры, преследует конечную цель в виде продукта, услуги, идеи, решения, любого полезного результата, хотя, безусловно, имеет место и самозабвенный труд, удовлетворяющий прежде всего не биологические потребности личности, а способствующий духовной самореализации личности. Повседневная жизнь личности никогда не будет гармоничной, если человек не удовлетворен своей трудовой деятельностью, и она не способствует раскрытию его творческого потенциала.

Труд актуализирует, прежде всего, гносеологическую функцию социальной мифологии, открывая пространство для мифотворчества. Здесь нам представляется важным определить возможные профессиональные группы, существующие в обществе в конкретный исторический момент, и, соответственно, степень влияния мифологий этих групп на общество в целом, или по крайней мере на большую часть общества. В разные времена были привлекательны трудовая деятельность ученого, ремесленника, предпринимателя, которые выступали неким эталоном и ориентиром социальной успешности.

Безусловно, стремящаяся к доминированию социальная группа будет использовать потенциал социального мифа в качестве инструмента реализации своих властных функций. Но сначала данная социальная группа будет накапливать так называемый символический капитал, причем такое «накапливание» начинается уже со всевозможных кодексов поведения, корпоративной этики, миссий организации и т.п.

Сфера досуга – важнейшая область жизни личности, в рамках которой он может найти применение невостребованным в трудовой деятельности способностям. В связи с этим, досуг – это тоже своего рода деятельность, целью которой является познание, получение положительных эмоций, удовольствия, новых впечатлений, возможность провести время с семьей. В сфере досуга особенно ярко проявляются индивидуальные особенности личности, потому что на отдыхе, как правило, нет необходимости придерживаться социальных ролей. Кроме того, человек не преследует утилитарно-практические цели, мотивация досуга внутренняя: процесс ради самого процесса, человек более свободен в своих проявлениях и творческом подходе к его организации. Бурное развитие культуры и общества во многих странах Запады, предсказанное еще во второй половине XX в. теоретиками постиндустриального общества (Д. Белл, Э. Тоффлер и др.), в начале XXI в. позволило говорить о значительном расширении сферы услуг. Это также стало фактором формирования новых видов досуговой деятельности, связанных с использованием компьютерных технологий и переструктурированием культурного пространства. С учетом указанных социокультурных тенденций досуг становится всё более важной сферой человеческой жизни, оказывает существенное влияние на систему социальных институтов и культурных установлений (традиций, обычаев, ритуалов), способствует возникновению новых форм социальных отношений.

Область досуга, на наш взгляд, содержит больше возможностей для проявления мифологических составляющих, чем достаточно рационализированный быт и труд. Досуг актуализирует, все выделяемые нами функции социальной мифологии, но в большей степени аксиологическую и праксиологическую функции.

При этом досуговая деятельность одновременно и мифогенна, и мифологизирована. Это объясняется тем, что в основе досуга доминирует бессознательная мотивация, связанная с принципом удовольствия. Возьмем, например, чтение или зрелищные развлечения: здесь и «перемещения» в пространстве и времени при посещении театра, просмотре кинофильма, и ритуальное происхождение боя быков, скачек, состязаний атлетов. Уже в данных примерах актуализируется целый ряд свойств мифа, таких как эмоциональность, способность погружения в особое – сакральное – пространство

и время и т.п. Так, М. Элиаде полагает, что чтение стало занимать не только место традиционного устного фольклора, все еще сохранившегося в сельскохозяйственных общинах Европы, но и пересказа мифов, характерного для архаических обществ. «Сейчас чтение, наверное, даже больше, чем зрелищные развлечения, позволяет индивидууму сделать паузу и одновременно “уйти от времени”» [Элиаде 1996, 38]. Мифологические сюжеты и герои в той или иной степени представлены во многих литературных произведениях. Многие детективные романы полны мифологических тем; лирическая поэзия повторяет и продолжает мифы, старается «переделать» язык, другими словами, отойти от современного повседневного языка и отыскать новую, тайную частную и собственную речь.

Существуют и «совмещения», когда быт, работа и досуг находятся в «синкретическом» единстве, что не позволяет выделить какую-либо из сфер в самостоятельную и найти присущую им мифологию: мифологией здесь пронизана вся повседневная жизнь. Именно такая ситуация была описана Р. Бартом в заметке «Писатель на отдыхе»: «Волшебная обособленность писателя доказывается тем, что во время своего пресловутого отдыха, по-братски разделяемого им с рабочими и приказчиками, сам он не перестает если и не трудиться, то, во всяком случае, нечто производить. Он не настоящий труженик, но и не настоящий отпускник: один пишет мемуары, другой правит корректуры, третий готовит свою будущую книгу» [Барт 2004, 76–77].

Таким образом, следует заключить, что повседневная жизнь человека и общества буквально пронизана социальной мифологией. Это видно на примере реализации функций социальной мифологии во всех основных сферах повседневности – быте, труде и досуге. Современная повседневная жизнь остается достаточно динамичным явлением, требующим непрерывного, пристального внимания и готовности к изменениям. Повседневность становится местом открытия новых смыслов и социальных норм, местом трансформации и порождения новых мифов. В свою очередь, выявление в повседневности современных социальных мифов часто сопряжено с неожиданными открытиями новых смыслов тех или иных сторон жизни человека и общества.

Primary Sources

Barthes, Roland (1957) *Mythologies*, Paris, Editions du Seuil.

Durkheim, Émile (1968) *Les formes élémentaires de la vie religieuse*, Paris, Les Presses universitaires de France.

Ссылки – References in Russian

Байбурин 1993 – Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

Бакиров 1988 – Бакиров В.С. Ценностное сознание и активизация человеческого фактора. Харьков: Вища школа, 1988.

Барт 2004 – Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004.

Богданов 2015 – Богданов К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2015.

Борхес 2000 – Борхес Х.Л. Алеф. Новеллы; пер. с исп. СПб.: Азбука, 2000.

Оботурова 1999 – Оботурова Г.Н. Миф в структуре познания и деятельности. Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. М., 1999.

Радугина 2015 – Радугина О.А. Повседневность как сфера микросоциальных отношений жизни личности // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. № 1 (5). С. 55–60.

Режабек 2003 – Режабек Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ). М.: Едиториал УРСС, 2003.

Рязанова 2009 – Рязанова С.В. Архаические мифологемы в политическом пространстве современности. Пермь: Изд-во Пермского государственного университета, 2009.

Савельева 2002 – Савельева М.Ю. Введение в метатеорию сознания. Киев: Видавець ПАРА-ПАН, 2002.

Фрейденберг 1998 – *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М.: Восточная литература РАН, 1998.

Элиаде 1996 – *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии; пер. с англ. М.: REFL-Book; Киев: Ва-клер, 1996.

Элиаде 2000 – *Элиаде М.* Аспекты мифа; пер. с фр. М.: Академический Проект, 2000.

References

Bakirov, Vil S. (1988) *Value Consciousness and Activization of the Human Factor*, Vishcha shkola, Kharkov (in Russian).

Barthes, Roland (1957) *Mythologies*, translated from French into Russian by Zenkin S.N., Sabashnikovs Ed., Moscow (Russian Translation 2004).

Bayburin, Albert K. (1993) *The Ritual in Traditional Culture. Structural-semantic Analysis of East Slavic Ceremonies*, Nauka, Saint Petersburg (in Russian).

Bogdanov, Konstantin A. (2015) *Everyday Life and Mythology: Studies on Semiotics of Folklore Reality*, Azbuka, Azbuka-Attikus, Saint Petersburg (in Russian).

Borges, Jorge Luis (1949) *El Aleph. Novels*, Azbuka, Saint Petersburg (Russian Translation 2000).

Oboturova, Galina N. (1999) *The Myth in the Structure of Knowledge and Activity*. Abstract dis. doc. philos. sciences, Moscow (in Russian).

Radugina, Olga A. (2015) *Everyday Life as the Field of Microsocial Relationships of a Person's Life, Science Journal of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Social Sciences and Humanities*, No. 1 (5), pp. 55–60 (in Russian).

Rezhabek, Evgeny Y. (2003) *Mythothinking (Cognitive Analysis)*, Editorial URSS, Moscow (in Russian).

Ryazanova, Svetlana V. (2009) *Archaic Mythologems in Political Space of Modernity*, Perm State University Publ., Perm (in Russian).

Savelyeva, Marina Y. (2002) *Introduction to Meta-Theory of Consciousness*, Vidavets PARAPAN, Kiev (in Russian).

Freidenberg, Olga M. (1998) *Myth and Literature of Antiquity*, Vostochnaya literatura Publ., Moscow (in Russian).

Eliade, Mircea (1959) *Myths, Dreams, Mysteries*, REFL-Book, Moscow; Vakler, Kiev (Russian Translation 1996).

Eliade, Mircea (1963) *Aspects of the Myth*, Akademicheskyy Proekt Publ., Moscow (Russian Translation 2000).

Сведения об авторах

ИВАНОВ Андрей Геннадиевич – доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой философии, Липецкий государственный технический университет; профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал.

НЕХАМКИН Валерий Аркадьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, МГТУ им. Н.Э. Баумана.

ПОЛЯКОВА Ирина Павловна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Липецкий государственный технический университет.

Author's Information

IVANOV Andrey G. – DSc in Philosophy, Associate professor, head of the Philosophy Department, Lipetsk State Technical University; professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch.

NEKHAMKIN Valeriy A. – DSc in Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University.

POLYAKOVA Irina P. – DSc in Philosophy, Associate professor, Lipetsk State Technical University.